

Т

емно, как в... Это первое, что бросается в глаза. Пахнет сургучом и пылью. Ирка окинула уставшим взглядом старое помещение почтового отделения, которое уже как минимум тридцать лет нуждается в ремонте. Ох, как же неохота работать!

Позади теплый май, зеленая сочная листва, лазурное небо и белые перьевые облачка — свобода! Впереди — темно, как в пещере...

Ирка включила компьютер, проклиная Любку, из-за которой ей теперь придется сидеть на «коммуналке»: «Любка — она молодец: как хорошая погода, так у нее больничный, и плевать, что за нее другие ищачат».

«Да что ж эта рухлядь так долго грузится?! — Ирка в сердцах пнула ногой заляпанный системник. — Опять эта балда неправильно вышла из программы», — посоветовала она на коллегу.

Ирка достала из ящичка ручку с погрызенным синим колпачком и безуспешно пошаркала по бумаге: «Так и знала, не пишет». Она бросила ручку обратно в ящик и решила, что больше за свои деньги ничего покупать не будет: «Должны же нас когда-нибудь обеспечивать инвентарем?!..» — бойкая мысль тут же сменилась невеселым выводом: «От них дожде-е-ешься». Ирка взглянула на часы: «Интересно,

я успею побить кофе? — она тут же попрощалась с этой затеей и угрюмо констатировала: «А вот и первые клиенты ползу-ут. Наверное, за дверью с вечера караулили... Так я и думала: ко мне. Здесь кроме меня еще два оператора — нет, им медом намазано!»

Ирка дождалась, когда к ней доковыляет дряхлая худенькая старушка в выцветшем платье, и с чувством полного удовлетворения протараторила:

— Женщина, ждите, не видите, у меня компьютер завис?! Вон еще два окна свободных, — небрежно махнула Ирка в сторону, откуда доносились звуки праздного разговора и пленительный аромат кофе.

Старушка послушно заковыляла туда.

«Зря я так, — подумала Ирка. — Другие глаза выцарапать готовы и лозунги наготове держат: мол, клиент всегда прав, мол, в книгу жалоб напишу. А ты им за копейки улыбайся... Вон семьдесят седьмое за углом: молодцы! И ремонт у них евро, и сами не перетрудились. Спрятались за поворотом, а все к нам идут, будто медом намазано. Обед у них вовремя, закрываются за час. А мы тут сиди до последнего клиента. Они — показательное отделение, к ним начальство из Москвы водят — пыль в глаза пускают; а планы выполняем мы». Ирка вздохнула и от обиды снова пнула системник. Ей сегодня как никогда работать не хотелось. За окном, замураванным рекламным щитом, — май...

«Идут все к нам, жалобы пишут... Вон Любка в тот раз очередь быстро усмирила: идите, мол, в соседнее, раз тут плохо обслуживают. А они сразу попритихли: там на них, видите ли, орут, а тут все вежливые. «Вежливые» — а сами жалобы пишете... — Ирка вздохнула. Она нетерпеливо пощелкала по клавиатуре. «Сегодня, кажется, полнолуние, — вспомнила Ирка. — Опять шизики попрут. Любка — молодец, она их быстро отшивает: неси, мол, справку, тогда письмо в Кремль отправлю. Они, как услышат «справку» — так бегом домой. Залечили, наверное».

Компьютер наконец загрузил программу, но работать не хотелось. Ирка снова его выключила. Услышала топот широких старомодных каблучков начальницы и с недовольным видом оглянулась, демонстрируя свой праведный гнев: мол, опять старое железо не работает. Но начальнице это было неинтересно, она взяла со стола какие-то бумаги и затопала к себе. Из ее халупки тоже доносился запах кофе.

Ирка услышала девичий хохот, доносящийся из-за барьера касс напротив: «Видимо, старушка как раз — то самое», ну нельзя же так? Большой человек все-таки. Эти две новенькие только и знают, что смеются и болтают ни о чем. Зачем их взяли? Обе просто необучаемые, технику ломают, недостача — стабильно! — возмущение Ирки было недолгим: — А кому еще работать? Сокращение прошло, так теперь за те же деньги втрое работы на всех навешали».

— Женщина, что вы хотели? — громко спросила Ирка старушку, которая растерянно озиралась по сторонам. Видимо, девчонки ее обслуживать не стали.

Старушка с надеждой посмотрела на Ирку и быстро заковыляла к ней. Ирке стало смешно, она вспомнила стишок собственного сочинения:

Стоит бабуля у дороги,
Костыль в руке — не те уж ноги...
Жалко-немошно-седая;
Машины мимо пролетают —
Ну, разве можно перейти?..
Вдруг нет препятствий впереди:

Костыль в руке — промчалась пулей
Через дорогу та бабуля!
И снова эта старушонка
Идет-ползет «черепашонкой»...

«А ведь я могла бы стать поэтом», — Ирка вздохнула и взяла письмо из трясущейся руки старушки — приходится сегодня крутиться и за себя, и за Любку — в двух местах сразу, за долбаные копейки!

На конверте в разделе «Получатель» было написано: «*Богу*». Девчонки напротив притихли; Ирка, еле сдерживая улыбку, спросила:

— А адрес где?

Напротив грохнули со смеху. «Никакой культуры, — подумала Ирка, — сейчас начальница выйдет: доржетесь!»

Старушка замаялась и прошамкала, что не знает адреса, она вообще неверующая.

— Ну, хоть церкви какой-нибудь? — серьезно предложила Ирка.

— Ды я не знаю, — застенчиво ответила старушка, смущенно махнула рукой и торопливо направилась к выходу.

Ирка равнодушно швырнула письмо под стол, там таких — «на деревню к бабушке» — было с десяток.

«А вот и еще-е-е, — с досадой подумала Ирка, выжидающе глядя на приближающегося клиента с выпученными глазами. — Мужик явно не в себе, хотя одет прилично...»

— Девчонки, телефон есть?! — громко крикнул клиент. — Там бабку машиной сбило! — вытирая платком пот со лба, с одышкой добавил: — Похоже, конец!

Ирка помчалась к начальнице, телефон только у нее и был: «Неужели с мобильного позвонить не мог?»

Кассы напротив опустели, девчонки ушли поглазеть — будто им медом намазано.

Ирка не пошла, ей как-то стало тоскливо и жутко. Она облокотилась на изувеченный лакированный стол, края которого показывали склеенные опилки, — он уже не раздражал; полумрак в помещении... — кому это нужно? Был человек — и нет. Как просто! Ирка пожалела, что была груба со старушкой: «Ну и что, что плохо одета и больная — она же человек! Тут приходят важные в костюмах, так и ждут, что их вылижут, а сами чуть что не так, так их гребаная напускная интеллигентность вмиг испаряется, только ее и видели. Да ну их, жалко старушку. Плохо к ней тут отнеслись. И надо же, начальница не видела, а то бы этих двоих штрафнула».

Ирка не слушала бледных девчонок, которые в ужасе рассказывали начальнице о подробностях страшной аварии, наперебой щебетали, как им «стало нехорошо», как все-таки «жаль клиентку» и...

Ирка наконец свела кассу, отчиталась перед начальницей и поспешила домой, заранее зная, что на улице уже сумерки. Она тайком взяла письмо старушки и положила в сумочку: все равно ни отправитель, ни получатель его не потребуют.

Пустая маршрутка: «Вот повезло, хотя не повезло, из-за этих двоих сводились три раза, поздновато закончили, вот транспорт и пустой. Все нормальные люди давно ужинают и смотрят какую-нибудь «Варю». Что еще вечером можно делать тому, у кого ни семьи, ни детей?»

Ирка достала письмо и впервые за семь лет работы в почтовом отделении вскрыла чужое. Она с нетерпением развернула мятую коричневую оберточную бумагу, с корявыми крупными буквами:

«Дорогой Бог! Я совсем не (зачеркнуто)... Я никогда в тебя не верила. Ты мне, когда приснился, сказал, чтобы я тебе написала. Вот я и решила тебе написать.

Расскажу немного о себе. Может, знаешь, кто такие комсомольцы? Я была самым сознательным членом ВЛКСМ, меня ставили в пример. Я тогда много полезного сделала, если можешь, то проверь: мне кривить душой незачем. Только комсомольцам нельзя было верить, да и приютская я, меня этому не учили. Совсем девчонкой на фронте при лазарете санитаркой: мыла тазы из-под крови, там и части тел плавали. Мне поначалу было страшно, потом привыкла. А уж запах!.. Раненых оперировали, как на конвейере: один, второй, третий... Без анестезии. Они плакали и кричали. Я и к этому привыкла. Врач меня к себе в помощники взял — рук не хватало. Он говорил, что я способная. Спроси у него, он уже умер. Хороший был человек, хоть и из белых. Спроси, я работала на совесть, бывало, по суткам, а потом валишься с ног и проспаться не можешь, будят, и ты оперируешь в полудреме, и ничего не чувствуешь. Спроси у него, помнит ли он Маняшу? Это он так меня ласково называл. А его звали Сергей Степанович Сабуров. Три «с» — он так расписывался. Сергей Степанович многому меня научил, да и своего опыта за несколько лет практики было уже немало, поэтому, как война кончилась, отучилась и устроилась работать в больницу. Как работника меня ценили! Замуж я так и не вышла — сначала было некогда, потом — незачем. Так всю жизнь и проработала хирургом в септическом отделении, сама многому научилась, сама многих научила. Всю себя посвятила работе, у меня меньше всего было неудачных операций, ко мне обращались даже начальники из райисполкома, потом благодарили. Я деньги не брала: для меня хоть дворник, хоть начальник — все одно человек, и жить хочет. Только раз приняла благодарность: помогли квартиру выхлопотать как одинокой женщине, ветерану войны. Поэтому я и не жалею, что квартиры своей лишилась теперь. Жалею, что изменила себе тогда. Можно было бы и очереди своей подождать, да и веселее в общежитии было.

Проводили на пенсию: подарки, тосты, признания. Только я-то понимала: им избавиться от меня хотелось. Силы не те, здоровья тоже маловато, на пятки молодой персонал наступает: что ж тут непонятного? Обуза. А я обузой быть не люблю. Осталась одна с мизерной пенсией и однокомнатной квартирой. Сначала подруги ко мне навевались, потом забыли. Я их толком и угостить не могла, да и у них хлопот (не то, что у меня): дети, внуки. Они мне все жаловались, как им тяжело, но, думаю, в этом-то и есть настоящее счастье женщины — когда есть о ком заботиться. Поэтому я купила конфет, пошла в интернат (он от меня в четырех остановках) и подружилась там с девочкой. Она, как и я, без матери и отца росла. Худенькая такая, страшненькая, я тоже такой была, но это в детстве, потом — ухажеры проходу не давали. Она меня все время ждет, надежды у таких мало, ее вряд ли удочерят, а так я ей хотя б один родной человек. На выходные выпросила ее забирать, мне сначала не доверяли, боялись, что помру по дороге (я ж, поди, не молода). Платье Олечке справили и банты, она совсем как принцесса стала. Я по ней скучаю. Если это хороший поступок, то зачти мне. Но, я думаю, это плохой поступок: я ее обнадежила, она меня ждет, а я не приезжаю теперь. Пешком — далеко, а на трамвай — денег нет.

Горести мои такие. Приходила ко мне подруга, такая же, как я — одинокая. У нее хоть и есть сын — да он пьет. Она в церковь стала ходить на

старости лет. Придет, только об этом и рассказывает. Изменилась, хочет быть хорошей, а меня все ругает за атеизм. Только какая же она хорошая: лицо постное (а какая хохотушка-то была!), черную юбку до пят одела, молоко не пьет и всех людей вокруг грешниками обзывает? Она и себя грешницей кличет. Скучно мне стало с ней общаться, только и говорит, какая она плохая, но разве от сердца это? Я с ней пошла в церковь-то, думаю все равно помирать скоро, вдруг ты есть? Пришли мы, народу много, душно, она какую-то девочку попросила уступить место на лавочке (их там по стене несколько штук стоит, и, как подруга сказала, только для стариков). Сели мы. Все молчат, службу слушают, а подруга все дергает людей: то девочку в брюках отругала (оказывается, в брюках нельзя), то парня с порожек прогнала — «нельзя вход загораживать». Да еще и сидящие рядом о дачных проблемах шептались. Мне не понравилось. И я ушла. Что пели, я не знаю, вот только пели очень красиво! Я когда услышала, у меня мурашки по коже побежали, но послушать не дали.

Я подругу попросила больше ко мне не приходите. Она плюнула в мою сторону, обозвав «овцой заблудшей», и ушла. Правда, потом приходила, прощения просила. Она сказала, что будет за меня молиться. А я ей: «Ты лучше за сына молись!» Ну ее. Скучно мне с ней. Может, это и грех, но мне та девчушка в брюках показалась куда добрее на лицо. Я еще тогда подумала, что ты не за этим всем скрываешься, и если ты есть, то где-то там, где молча стояли люди и слушали, как поют. Но дальше входа я пройти не смогла бы — народу много, поэтому в церковь я больше не заходила.

Ко мне как-то пришла женщина — вот она мне доброй показалась! Я сначала подумала, мошенница, сейчас таких много: приходят к пенсионерам и деньги вымогают. Но она мне библию подарила, много про тебя рассказывала, улыбалась. Я ее почти не слушала (все как-то на сказки похоже), но мне нравилось, когда она меня навещала. Она меня пригласила в свою церковь, меня там очень ласково приняли. Не буду всего рассказывать, они обещали меня поселить в своей общине, где за стариками уход. Я и деньги на дорогу стала откладывать, но мне все равно бы не хватило, и они мне сами купили билет. Я завещала квартиру им, приехала в общину...

Да нечего тут и рассказывать: ни общины, ни квартиры. Оказывается, я ее продала! Мне даже вещи забрать не дали. Да какие там вещи? Альбом с фотографиями только жалко. Мне милиция обратно вернуться помогла, а дальше никто ничего сделать не может.

Сижу на паперти возле церкви уже неделю, меня прогоняли местные нищие, но священник заступился, он мне и хлеба с медом дал. Сначала было стыдно, потом привыкла — главное в глаза людям не смотреть, вдруг узнают.

На конверт заработала, вот и решила, как ты просил, тебе написать. Я как письмо отправлю, куплю конфет и обязательно Олечку навещу. Я решила: пока жива, ноги двигаются — к ней ездить.

Ну, вот и все, что я хотела о себе рассказать. До свидания, дорогой Бог. Уж больно мне твое лицо понравилось: доброе такое. В жизни таких не встречала!

P.S: Говорят, ты все можешь. Понимаешь, я тут совсем без всего осталась: летом еще как-то можно в беседке переночевать, а осенью — страшно подумать! К тому же я невероятная трусиха, прости мне этот грех, но очень сильно боюсь темноты, а в парке всегда так темно. Будет у меня к тебе великая просьба: ты, как письмо получишь, забери меня к себе, если я тебе не буду в обузу...